

**КЛАССИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ (НА
МАТЕРИАЛЕ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА А.БЛОКА)**

Белова Л.А.

научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю. А.

Сибирский федеральный университет

Каждая эпоха по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологической переакцентуации.

(М.М.Бахтин)

Одной из особенностей критики рубежа XX – XXI вв. является ее ретроспективность. Критика «возвращается» к классической литературе, которая прочитывается по-новому. На наш взгляд, возможно выделить три основные причины того, почему классика становится столь актуальной для современной критики.

Первая причина – социокультурного характера. На рубеже эпох критик (шире – вообще читатель) оказывается в ситуации кризиса: официальная советская ценностная парадигма подвергается переоценке, а новые мировоззренческие ориентиры не закрепляются. В таких обстоятельствах классика начинает выполнять роль своего рода «помощника». Она ценна центрированной, проверенной временем системой координат, стабильностью ответов на онтологически и экзистенциально важные вопросы «Кто Я в ситуации перемен?», «Каков выход из кризиса?», «Что есть истина?».

Вторая причина – осознанная в годы перестройки, в постсоветский период необходимость нового, без «идеологических очков», прочтения произведений М. Зощенко, А. Ахматовой, М. Булгакова, Б. Пастернака, Н. Гумилева и многих других.

Третья причина состоит в том, что литературно-критический инструментарий, ориентированный на «возвращенную» литературу, на советскую классику, оказался неадекватен собственно новейшей литературе, которая потребовала других способов ее интерпретации. В результате, критика выбирает в качестве объекта литературу (не)давнего прошлого.

Все это позволяет говорить об уникальном типе чтения и читателя в обстоятельствах рубежа веков, изучение которого является актуальной задачей литературоведения, разворачивающегося сегодня в направлении антропологии. Как известно, читателя во многом формирует литературная критика, это является одной из основных ее функций. Современная критика ориентирует современного читателя на перечитывание классики.

В своем исследовании я пытаюсь прояснить следующие вопросы: что вычитывает современный критик в классических текстах, в сюжетах жизни их авторов? Ответы на какие вопросы определяют процесс интерпретации текстов? В своем докладе я остановлюсь на рецепции творчества и образа А.Блока в критике рубежа XX-XXI веков.

Почему именно А. Блок становится объектом критической рефлексии? Критики увидели связь блоковской эпохи с ситуацией рубежа веков. Связь эта заключается в том, что обе эпохи находятся на стыке веков, когда одна культурная парадигма сменяется другой. Эта связь и в ожидании глобальных перемен к лучшему, но, вместе с тем, и в трагическом ощущении потерянности, в поиске нацией своего исторического пути. Д. Бобышев пишет об этом так: «Во все времена, со сменой эпох меняются и

литературные перспективы, высвечиваются ярче и воспринимаются заново те произведения родной поэзии, которые вдруг оказались читателю ближе и понятней» [2].

В большей степени критику интересуют не тексты А. Блока, а мироощущение, судьба поэта. Это происходит потому, что Блок осознается критиками как один из ярчайших символов своего времени, а его судьба – как неразрывно связанная с судьбой России. В его трудном, во многом трагическом, жизненном пути современный критик ищет ответ на вопрос «Что делать нам, живущим на рубеже веков?». В. Огнев пишет: «Фигура А. Блока здесь <...> показательнее других судеб» [6, с. 195]. И далее, приводя слова Блока «Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться (1917)», добавляет: «Повторяем это и мы. Доколе?» [6, с. 201].

В. Огнев начинает свою статью «Уроки Александра Блока» так: «Повод – книга о жизни А. Блока, рассказанная им самим. И, конечно, наше сегодня...», подчеркивая тем самым связь Блока с современностью [6, с. 195]. Мироощущение А. Блока мыслится критиками как близкое мироощущению современника. Так, ментальную связь поэта с современным человеком улавливает А. Немзер в своей статье «Август двадцать первого», посвященной событиям восьмидесятилетней давности – смерти Александра Блока и Николая Гумилева. По мнению критика, А. Блок, как и человек конца XX века, жил ожиданиями нового, которое так и не наступило, был готов принять перемены, верил, что они станут залогом *новой* жизни, был устремлен в *будущее*.

Д. Бобышев пишет: «Мы вступили в пору крайних исторических канунов – века и тысячелетия». В связи с этим, по его мнению, нам, живущим на рубеже XX-XXI вв., оказался близок А. Блок с его поэмой «Двенадцать». «Нам близко <...> чувство конца времени и уже наступившей смены эпох» [2, с. 214].

«Блок по-прежнему наш современник», – заявляет критик В. Калашников. Для него поэт становится своего рода связующим звеном между двумя эпохами. В начале своей статьи критик пишет: «Речь пойдет о трагедии человечности в Блоке и во всей нашей эпохе» [4, с. 237], тем самым осмысливая «сюжет» Блока как своеобразный код для понимания современной ситуации, столь же трагичной, грозящей смертью человечности. И именно А. Блок привлек внимания В. Калашникова, в первую очередь, потому, что он «<...> как никакой иной поэт, нес на своих плечах бремя эпохи» [4, с. 237-238].

В. Калашников обратился к Блоку и потому, что, по мнению критика, Блок – Личность, это выражается в верности поэта своему пути. Быть верным своему пути – значит быть верным духу времени, то есть «необходимо погрузиться в поток становления <...> истории, вдохнуть <...> ветер перемен» [4, с. 241]. Это есть, по мнению Калашникова, оправдание человеком себя как личности, то, чего Калашников ждет от своих современников и именно этого, по его мнению, нам всем не хватает.

С В. Калашниковым солидарен и В. Огнев в статье «Уроки Александра Блока» [4]. Само название его статьи показательно: «Уроки» – то, чему поэт может научить наше поколение. По мнению Огнева, «... главным в поэтике Блока остается все-таки та особенность, которую он выразил сам – так безоглядно искренне и бесповоротно – “Страсть всякого поэта (*шире – человека*)... насыщена духом эпохи; ее судьба, ее ритм, ее размеры, так же как ритм и размеры стихов, внушены ему временем... В эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой”» [6, с. 207]. Именно этому соединению, слиянию с эпохой мы должны научиться у Блока. Огнев пишет, что Блока (как и других поэтов начала новой эпохи: Цветаеву, Пастернака, Есенина и др.), «отличает не только гениальность, а неразрывное, чаще трагическое, ощущение личной причастности

творимой истории» [6, с. 196]. Говоря о Блоке, критик отмечает: «чем богаче личность, тем шире <...> амплитуда чувств от ожесточения к примирению с жизнью. Через страдание» [6, с. 197].

По-другому говорит о связи Блока с современностью и И.Фаликов. В статье «Миф и явь: ранний Блок в контексте заверщенного пути» [8] критик говорит о «затерянности Блока в нашей современности» [8], о том, что поэт либо забыт, либо неправильно понят нынешним читателем. Объясняет он это тем, что современная эпоха настроена на «иные волны и имена» [8], что вся она *сплошь внеблоковская*. Критик заявляет: «Время другое. Вообще — все другое» [8], и это восприятие прямо противоположено тому, что мы видим у других критиков. Но нам важно здесь то, что критик коснулся этого вопроса, посчитал его актуальным, значимым, счел нужным обратить на него внимание читателя.

Следующий момент, который неоднократно затрагивают многие критики – это смерть Блока. Но смерть его мыслится, в первую очередь, не как физическая смерть человека, а символически: как смерть целой эпохи, крушение старой культуры. «Блок – завершение русской дворянской культуры», – констатирует И. Золотусский в статье «Гоголь и Блок» [3]. В.Калашников посвящает этому целую статью, он пишет не о физической смерти поэта, наступившей 7 августа 1921 г., не об ее обстоятельствах. По мнению критика, Блок умер задолго до своей физической смерти – она наступила вместе с разочарованием в той эпохе, которая пришла на смену прежней. Это разочарование возникло в связи с острым несоответствием между представлением поэта об «очищающей революционной стихии» и кровавой повседневностью наступающего тоталитарного режима. Как пишет Калашников: «Блок умер от полуденной безнадежности», увидев «творческое бессилие и истощенность» [4, с. 249]. О смерти Блока пишет и А. Немзер, для которого смерть поэта – это символ заката эпохи: «Смерть Блока означала победу пошлости, возвращение “на круги своя”, какового сам поэт революции страшился» [5]. По мнению критика, Блоку в новом мире не хватало воздуха, он просто задохнулся... «Вопреки задохнувшемуся Блоку революция продолжалась», «и нового в ней по-прежнему не было» [5]. Немзеру вторит И. Фаликов: «надеялся на “молодого мужика” – получил отсутствие воздуха» [8]. И далее: «Его сожгло мертвое дыхание исторического тупика» [8].

О времени, в которое жил поэт, о его смерти, упоминает и М.Ромм в статье «Забытая страница воспоминаний об Александре Блоке» [7]. В ней приводятся воспоминания Э.Ф.Голлербаха о выступлении Блока на вечере в Доме литераторов в феврале 1921 г., незадолго до смерти поэта. Ромм заканчивает свою статью так: «настроение А.Блока, ответная реакция зала <...> события исторические: речь поэта, в том же году его страшная смерть и расстрел Н.Гумилева обозначили конец «серебряного» века в России» [7]. Ромм, как и Калашников, и Немзер связывает смерть поэта с закатом целой эпохи, культуры. Для него, как и для других критиков, смерть Блока имеет символическое значение.

Итак, мы видим, что спустя почти век А. Блок «прочитывается» в контексте новейшего времени. Мы видим, что разные критики затрагивают одни и те же темы, пишут о связи Блока с современной им эпохой, пытаются найти в судьбе и творчестве поэта ответы на вопросы о судьбе современной России. Задаваясь вопросом о том, что делать нашему поколению, В. Калашников находит ответ в судьбе Блока: искать свой путь, «погрузиться в поток становления истории» [4, с. 241], иначе – быть личностью, принять жизнь, «утвердить бытие, утвердить свою волю к Преображению» [4, с. 241]. По мнению Калашникова и других критиков, мы должны, вслед за Блоком, неразрывно связать свою судьбу с судьбой России, должны ощутить «причастность творимой истории» [6].

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики – М., 1975.
2. Бобышев Д. Гости двенадцатого удара (О сегодняшнем восприятии поэм Блока, Кузмина и Ахматовой) // Звезда. – 1998. – №7.
3. Золотусский И. Гоголь и Блок // Новый мир. – 1984. – №4.
4. Калашников В. Смерть Блока // Дон. – 1995. – №7.
5. Немзер А. Август двадцать первого. К 80-летию смерти Блока и убийства Гумилева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/blogum.html> (дата обращения: 14.03.13).
6. Огнев В. Уроки Александра Блока // Дружба народов. – 2007. – №9.
7. Ромм М. Забытая страница воспоминаний об Александре Блоке // Нева. – 1996. – №8.
8. Фаликов И. Миф и явь: ранний Блок в контексте заверщенного пути // Вопросы литературы. – 2006. – №3.